

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

*На правах рукописи*

**Подвойский Денис Глебович**

**Субъект, структура и отчуждение:  
к генеалогии и феноменологии  
прочности социальных конструкций**

5.7.7. Социальная и политическая философия

**АВТОРЕФЕРАТ**  
диссертации на соискание ученой степени  
доктора философских наук

Москва – 2025

Диссертация выполнена на кафедре социальной философии и философии истории философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

**Научный консультант:** **Момджян Карен Хачикович**,  
доктор философских наук, профессор

**Официальные оппоненты:** **Зарубина Наталья Николаевна**,  
доктор философских наук, профессор,  
ФГАОУ ВО «Московский государственный  
институт международных отношений  
(университет) Министерства иностранных дел  
Российской Федерации», факультет  
международной журналистики, кафедра  
социологии, профессор;

**Иванов Дмитрий Владиславович**,  
доктор социологических наук, профессор,  
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский  
государственный университет», факультет  
социологии, кафедра теории и истории  
социологии, профессор и заведующий  
кафедрой;

**Столярова Ольга Евгеньевна**,  
доктор философских наук, доцент,  
ФГБУН Институт философии Российской  
академии наук, отдел онтологии, теории  
познания и логики, сектор социальной  
эпистемологии, ведущий научный сотрудник.

Защита диссертации состоится «24» сентября 2025 г. в 15:00 на заседании диссертационного совета МГУ.057.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 (учебно-научный корпус «Шуваловский»), философский факультет, аудитория А-518 (Зал заседаний Ученого совета факультета).

E-mail: diss@philos.msu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3480>.

Автореферат разослан «\_\_» \_\_\_\_\_ 2025 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета,  
кандидат философских наук, доцент

Е.В. Брызгалина

# **I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ**

## **Актуальность темы исследования**

В середине XVIII века Ж.-Ж. Руссо охарактеризовал парадоксальность человеческого существования в обществе словами: человек рожден свободным, но повсюду мы видим его в оковах. Сегодня, почти триста лет спустя, многие люди могли бы констатировать, что проблема, высвеченная в высказывании философа, по-прежнему сохраняется. В разных точках земного шара люди (в известной мере наивно) продолжают задавать самим себе вопрос: куда уходит свобода? (поскольку они ощущают, что свобода все время куда-то улетучивается, растворяется, пропадает). Несомненно, поиск ответов на подобные вопросы сохраняет непреходящую актуальность как для обыденного мышления, так и для философии и социальной теории.

На самом деле правильнее было бы сказать, что человек свободен и несвободен одновременно. Выражаясь категориально, он, с одной стороны, обладает субъектностью или «агентностью», выступая создателем и творцом мира вокруг себя (в т.ч. мира социального), но, с другой стороны, является объектом и продуктом своей «среды» (в т.ч. общественных отношений). Как объяснить в одной теоретической модели сосуществование свободной воли («волюнтаризма» деятеля/актера и действия) и объективных социальных структур, ограничивающих эту свободную волю? На такой вопрос ответить коротко, оставаясь всецело на уровне повседневного дискурса, едва ли получится.

Уже в первом приближении становится ясно: люди создают (что-то) и создаются (чем-то), производят и производятся, конструируют и конструируются. Социальные институты и культура, такие человеческие «творения» как государство, рынок и деньги, церковь и семья, техника и средства коммуникации, господствующие или доминирующие обычаи и традиции, нравы и вкусы имеют извечную склонность, манеру и обыкновение садиться людям на шею, закрепощать их (несмотря на то, что они создаются, в конечном счете, самими людьми).

Несколько забегаая вперед, можно было бы заметить, т.е. возразить, что намечающееся здесь противопоставление индивида (якобы стремящегося к заветной свободе) и общества (как бы эту свободу ограничивающего) на самом деле надуманное и некорректное. Общество не только отнимает, но и дает, не только контролирует и репрессирует, но и прокладывает пути и открывает возможности. Говорить о свободе вне общества и полностью вопреки ему бессмысленно, поскольку свобода, что бы мы под ней ни подразумевали,

приобретает какое-то значение только в конкретно-исторических условиях сосуществования людей как социальных существ, т.е. в условиях их совместной жизни. И, в сущности, именно общество когда-то позволило человеку ощутить трудноуловимую и ускользающую прелесть свободы, осознать ее ценность. Но даже если это и так, сама проблема давления общества на индивида и субъективного переживания последним подобного давления как чего-то обременительного и психологически травматичного, сопровождающегося ощущением разлада и дисгармонии, от этого отнюдь не снимается и не отменяется. Во многих случаях общество не просто давит на человека (как невидимые «атмосферы» дюркгеймовских социальных фактов давят на спины и шеи послушных конформистов); оно оборачивается против него, несмотря на то, что, казалось бы, единственным эмпирически наблюдаемым источником и генератором социальной действительности является сам человек (хотя и, как правило, не отдельно взятый; или точнее - люди, и порой неопределенно большое их количество).

Если говорить более «терминологично», ориентируясь одновременно на классическую философскую традицию, можно сказать, что эта работа об *отчуждении* (понимаемом в широком смысле, т.е. не только как отчуждение труда). Рассуждая в фихтеански-гегельянской манере, можно определить отчуждение как процесс объективации духа в инобытии, превращения Я в не-Я. В последовательно идеалистической трактовке окружающий нас мир, как материальный, так и социальный предстает как инобытие духа. Если же мы делаем шаг в сторону «материализма» в интерпретации отчуждения (и здесь материалистическая оптика не обязана вступать в конфликт с оптикой спиритуалистической), то картина принимает следующий вид: в процессе отчуждения автономизируются не только продукты сознания, но и (практической) деятельности людей (так, например, появляются на свет социальные институты).

В широком онтологически-гносеологическом ракурсе человеческое сознание предстает как обладающее специфической особенностью выходить из самого себя во внешнюю среду. Или, иначе говоря, своего рода перцептивно-когнитивной модальностью, универсальным способом мироориентации нас как людей является склонность выносить «реальность порожденную» (*natura naturata*) за пределы сознания и наделять ее качествами самостоятельности. А стартовый в этой точке «радикально конструктивистский» взгляд может даже отважиться на провокационное рассмотрение природного и социального миров

как застывшей интегральной проекции нашего ума и восприятия, вернее - наших<sup>1</sup> умов, мыслей, восприятий и *совместной* деятельности.

Общая, сквозная идея нашей работы такова: человек создает вокруг себя нечто, экстернализует, овнешняет себя, опредмечивает, овеществляет и попадает в зависимость от своих собственных продуктов. Л. Фейербах в «Сущности христианства» говорил о человеке как незадачливом богосозидателе и прирожденном фетишисте. Но люди редко творят богов порознь, чаще они занимаются этим делом сообща. Впоследствии Э. Дюркгейм покажет, что процессы сакрализации являются процессами социальными *par excellence*, т.е. жизнью как божественной (траги)комедией управляет общество.

Метафора человека и общества как машин, творящих «богов», кажется нам очень удачной и точно передающей ключевую интенцию нашей работы. С. Московичи, вынесший данную аллегория в название одной из своих книг, сходится в этом пункте с П. Бергером как автором «Священной завесы». И под «богами» здесь следует понимать не только существ из мира религиозного опыта. Язык и техника, слова и вещи, деньги и власть, институты и традиции – все это сотворенные человеком «божества». Но боги всегда требуют к себе особого отношения, они хотят, чтобы их уважали и поклонялись им.

В системе соподчинения величин меняется вектор: творение отрывается от творца и утверждает свое господство над ним. Подобное переворачивание отношений фиксировали многие, в отечественной интеллектуальной традиции, например, Н.А. Бердяев, рассуждавший о роли техники в жизни цивилизации модерна. Об этом же писал и лесной обитатель из Новой Англии - Генри Торо, утверждавший, что «люди стали орудиями своих орудий»<sup>2</sup>. Современный российский автор, комментирующий идеи американского трансценденталиста, разъясняет его мысль: «... Человек создал такой мир, который превратил его, человека, в раба вещей и собственных инструментов. В вещах-господах человек отчуждается и сам в свою очередь овеществляется, обращаясь в то, что не столько использует, сколько используется своими собственными инструментами... Человек находится в собственности у собственных же вещей...».<sup>3</sup>

Люди очень часто «не ведают, что творят», не являются идеально информированными и идеально логически рассуждающими, не осознают начальных условий, текущего событийного контекста и обстоятельств, не прогнозируют будущее на много шагов вперед (или прогнозируют неправильно). В итоге, результаты их совместной деятельности оказываются

---

<sup>1</sup> Форма множественного числа, указывающая на социальный характер процесса конструирования реальности, является здесь принципиальной.

<sup>2</sup> Торо Г. Уолден, или жизнь в лесу. М.: РИПОЛ классик, 2018. С. 68.

<sup>3</sup> Хаустов Д. Минимум Торо // Торо Г. Уолден, или жизнь в лесу. М.: РИПОЛ классик, 2018. С. 17-18, 21.

плохо предсказуемыми, а сама эта деятельность продуцирует множество непредвиденных и непреднамеренных последствий и иных побочных продуктов в облики институтов и артефактов культуры.

Поскольку человеческая деятельность является по преимуществу совместной, на узко индивидуальном уровне она является слабо контролируемой, ведь ее исходы зависят не только от конкретного актора, но и (в большей или меньшей степени) от окружающих его людей (и обстоятельств). Вдобавок к этому всякий процесс социального формотворчества имеет свою историю, т.е. свою колею. Мертвые обладают властью над живыми, а конкретные традиции минувших поколений оказываются почвой, с которой так или иначе приходится считаться их потомкам и наследникам, стремящимся утвердиться и реализоваться (иногда наперекор предкам) в собственном настоящем. Поэтому-то общество и живет своей жизнью, оставаясь *всего лишь* «продуктом и результатом» скрещивающихся и пересекающихся людских волей, но являясь в то же время *самодовлеющей* силой, подчиняющей себе судьбы и биографические траектории миллионов единичных представителей рода человеческого.

Задача нашей работы состоит в том, чтобы проиллюстрировать довольно простую мысль: всё или почти всё в обществе создается людьми (или при их непосредственном участии), но почему-то то, что возникает таким образом, начинает жить своей жизнью и часто оборачивается против самих людей. Реальность общества (а, быть может, не только она, но и вообще реальность всего т.н. «объективного» мира) есть в некотором роде «воздушный замок», грандиозная фантасмагория, великая иллюзия, сценическая декорация, одна большая, но высокодифференцированная «потемкинская деревня»: все могло бы быть иным и все могло бы сложиться по-другому. И одновременно она же предстает перед наблюдателем как «железная клетка»: упрямая реальность социальных фактов давит и порой придавливает к земле, а вселенская пьеса разыгрывается в жанре драмы (если не сказать трагедии) и оборачивается для актеров отнюдь не шуточными последствиями. Как такое возможно и почему так происходит? – именно на этот вопрос автор пытается дать развернутый, но отнюдь не исчерпывающий ответ.

Цепочки событий в социальном мире характеризуются, по крайней мере, теоретически и потенциально, множественной контингентностью, т.е. в мире людей возможно если не все, то очень многое. Однако в итоге получается так, что производимая и воспроизводимая людьми реальность общества от них не сильно зависит.

Мы рассматриваем общество в объективном и субъективном измерениях как сложную совокупность социальных конструктов (или конструкций),

создаваемых и поддерживаемых людьми на поведенческом и ментальном уровнях, производимых сознанием и поступками. Чрезвычайно важным для развиваемого здесь подхода является уточнение: было бы большой ошибкой понимать социальные конструкции как нечто искусственное, созданное в соответствии с четким планом и намерением. Человеческие планы и намерения очень часто не реализуются, а надежды и мечты, даже подкрепленные соответствующими практическими устремлениями, часто не сбываются. Поэтому всякая социальная конструкция возникает как комплексное сцепление компонентов умышленного, целенаправленного и стихийного, произвольного, непреднамеренного.

Мы стремимся выстраивать нашу аргументацию на базе компромиссного решения вопроса об онтологии социального факта, которое хотелось бы квалифицировать как своего рода *aurea mediocritas* или экватор между полюсами социологического номинализма и реализма, методологического индивидуализма и холизма: институты, коллективные представления и многое другое в обществе суть *устойчивые* конструкции, но все же *конструкции*. Человеческие институты и культура представляют собой кристаллизованные, окостеневшие, ороговевшие конструкторы, обладающие большой инерционной силой. Они как горные породы разных этапов возникновения, - какие-то старые, какие-то молодые, - одни крошатся уже, разрушаются, другие только формируются на глазах нынешних поколений.

Однако социальные конструкторы разных возрастов и темпоральных «глубин залегания» все же достаточно прочны и «трудноодолимы» по меркам отдельного индивида, живущего в своем исторически конкретном настоящем в их окружении и вынужденного с ними считаться. В этом смысле относительная (но никогда не идеальная, не «стоцентная») *прочность* социальной конструкции является одним из фундаментальных ее качеств. Таковую прочность или устойчивость социального вещества можно исследовать с разных сторон, в статическом и динамическом аспектах. Перманентно протекающие, ни на миг не останавливающиеся процессы социального конструирования реальности имеют свою *генеалогию*, поэтому можно изучать происхождение, образование, этиологию «прочных» социальных конструкций. Имеют эти процессы и свою *феноменологию*, т.е. бытование в их конкретных формах и проявлениях. Однако указанные аспекты рассмотрения, по сути, являются лишь аналитическими фокусами, поскольку социальная реальность в одно и то же время производится и воспроизводится, создается и воссоздается. Иначе говоря, социальный морфогенез и социальный морфостазис фактически разворачиваются в одном и том же резервуаре, где вязкое вещество общественной жизни одновременно замешивается и схватывается.

В нашей работе нас будет интересовать в первую очередь специфический драматизм (или, если угодно, даже трагизм) описываемых процессов. Социальные конструкты имеют склонность к застыванию, они суть короста, путы, цепи, скорлупа (но также и возможности, о чем неоднократно говорили социальные теоретики, например, Э. Гидденс). Взирая на процессы социального конструирования реальности под определенным углом, можно предположить: мир состоит из сбежавших от людей, окостеневших структур, выпущенных на волю человеческим разумом и деятельностью. Восстание институтов поэтому предстает (в определенной оптике) как восстание машин против своих создателей из какого-нибудь фантастического фильма.

### **Степень разработанности темы исследования**

Проблема свободы индивида и ее ограничений, она же - проблема субъекта/структуры, имеет богатую и весьма солидную биографию. Однако ее возраст не делает ее менее актуальной, и это является особенностью определенной категории тем из архива социально-гуманитарного знания, которые можно было бы назвать вечными. К подобным темам будут неизбежно обращаться разные поколения, в разных местах, и в каждый исторический момент такие темы могут открываться и решаться по-своему (без шанса быть решенными окончательно, раз и навсегда).

Философским фундаментом рассуждений автора в настоящей работе становится конструктивизм как мультидисциплинарная теоретическая программа, постулирующая основополагающее значение человеческого (со)знания как особого (интер)субъективного средства мироориентации. В широком смысле конструктивистские интенции мысли обнаруживаются уже в древнегреческой философии (софисты, скептицизм), что находит, в частности, отражение в протагоровской максиме, определяющей человека как «меру всех вещей», а впоследствии в новоевропейской традиции философствования (притом в конкурирующих идейных течениях) у Р. Декарта (*ego cogito*), в субъективистском эмпиризме Дж. Беркли и Д. Юма, в «Новой науке» Дж. Вико, в трансцендентальном идеализме И. Канта (в учении об априорных формах созерцания и категориях рассудка), в философии языка и культуры В. Гумбольдта.

В философии и науке XX века конструктивистские мотивы могут быть выявлены в самых разнообразных концепциях и направлениях мысли: в конвенционализме (у А. Пуанкаре и К. Айдукевича), неокантианстве (у Г. Риккерта и в философии символических форм Э. Кассирера), американском прагматизме и символическом интеракционизме (у У. Джеймса, в

инструментализме Дж. Дьюи, у Ч.Х. Кули, Дж.Г. Мида и Г. Блумера, в концепции «определения ситуации» У.А. Томаса), теории стереотипов и формирования общественного мнения У. Липпмана, феноменологической философии Э. Гуссерля и социальной феноменологии А. Шюца и его последователей П. Бергера и Т. Лукмана, в ряде языковедческих концепций (неогумбольдтианстве Й.Л. Вайсгербера, теориях языковых картин мира и лингвистической относительности, у Э. Сепира и Б.Л. Уорфа), релятивистской философии культуры О. Шпенглера, когнитивной психологии (в операциональной концепции интеллекта Ж. Пиаже, теории личностных конструкторов Дж. Келли, концепции категоризации Дж. Брунера), культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, концепциях языковых игр Л. Витгенштейна и онтологической относительности У.В.О. Куайна, постпозитивистской философии науки (у Т. Куна и П. Фейерабенда), философии биологии (у Я. Иксюля и К. Лоренца), теории аутопойетических систем У. Матураны и Ф. Варелы, системно-коммуникативном подходе Н. Лумана, в некоторых версиях аналитической философии (в работах Н. Гудмена и Дж. Сёрля), т.н. «радикальном конструктивизме» (в работах П. Ватцлавика, Э. Глазерсфельда, Г. Рота, Х. Фёрстера), социальном конструкционизме К.Дж. Гергена и Дж. Шоттера, исследованиях Эдинбургской школы в социологии научного знания (в работах Д. Блур), акторно-сетевой теории Б. Латура, и т.д.

В обширном корпусе критико-аналитических источников, посвященных проблематике конструктивистских концепций, обращают на себя внимание работы Ф. Коркюфа, Х. Абельса, Э. Лока, Т. Стронга, Т. Секстона, Б. Гриффин, З. Шмидта, Б. Томасона, С.А. Цоколова, К.Х. Момджяна, А.Ф. Грязнова, О.В. Летова, А.Ю. Антоновского, С.П. Баньковской, Е.А. Мамчур, Л.А. Микешиной, А.М. Улановского, В.С. Левицкого, Ю.С. Моркиной, Н.М. Смирновой, В.А. Лекторского и его коллег, и др.

В соответствии с развиваемой автором диссертации концепцией процессы социального конструирования реальности неизбежно оборачиваются отчуждением и реификацией, сопровождающими генезис общественных институтов и культурно-символических феноменов. Хотя классические интерпретации феномена отчуждения (Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс), в т.ч. отчуждения религиозного (Л. Фейербах, П. Бергер), и не рассматриваются в работе специально, его трактовки принимаются в расчет, в т.ч. с учетом идей и исследований авторитетных комментаторов (Г.(Д.) Лукач, Ш. Сейерс, Р.Ф. Гейер, А. Хоннет, Й. Израэль, Г. Аптекер, Р. Шахт, Д. Швейцер).

В истории мировой социологической мысли категориальная оппозиция «субъект (действие, агентность) – структура (институты)» выступает одной из

смыслообразующих осей. В середине XX столетия Т. Парсонс предпринял амбициозную попытку интеграции теоретико-методологических линий аргументации методологического индивидуализма (волюнтаристическая теория действия) и социального реализма (системная теория общества), условного совмещения концептуальных программ М. Вебера и Э. Дюркгейма. Тем не менее, объяснительные модели структурного функционализма явным образом тяготели к реалистской теоретической программе (общество как реальность *sui generis*). Впоследствии стремления к построению теоретического синтеза, способного преодолеть антиномический характер проблемы «субъект – структура», вдохновляли представителей феноменологической социологии знания (П. Бергер и Т. Лукман), британской школы критического реализма (М. Арчер, У. Аутвейт, Р. Бхаскар), а также П. Бурдьё (генетический или конструктивистский структурализм, концепция габитуса/поля) и Э. Гидденса (теория структуриации). Значительный вклад в обсуждение указанной проблематики внесли Н. Элиас, П. Монсон, Дж. Ритцер, Ю. Хабермас, Р. Мюнх, Р. Коллинз, Дж. Александер, Дж. Тёрнер, Г. Терборн, И. Шубрт и др., а в России - А.Д. Ковалев, И.А. Шмерлина, Ю.Л. Качанов и др. Вопрос о логике и механизмах социального конструирования реальности непосредственно стыкуется с проблемой правилосообразности (внутренней и внешней нормированности) человеческого действия, становящейся предметом рассмотрения в исследованиях П. Уинча, И.Ф. Девятко, В.В. Волкова, О.В. Хархордина и др.

Что происходит с социальными отношениями, когда они принимают институциональные формы, закрепляются и кристаллизуются, каковы закономерности институционализации как объективного социального процесса? – эти вопросы приобретают фундаментальный характер для общественных наук. Почему человек как творец социокультурного мира нередко оказывается в заложниках у своего творения (общественных институтов и структур)? Общая рамка ответа содержится в концепции «трагедии культуры» позднего Г. Зиммеля, а конкретные вариации исследования противоречивых процессов институционализации в разных сферах можно найти в работах Г. Спенсера, М. Вебера, Э. Трёльча, Х.Р. Нибура, Г. Блумера, Р. Михельса, Й.А. Шумпетера, М. Джиласа, Ж. Эллюля, Р. Мертона, С. Московичи, П. ДиМаджио и У. Пауэлла, Дж. Хиза и Э. Поттера и др.

В сходной логике разворачиваются и процессы автономизации и отчуждения от человека знаково-символических систем. Так, например, феномен символического фетишизма получает релевантную интерпретацию в концепциях проводников взаимодействия П.А. Сорокина, власти номинации и

символического насилия П. Бурдьё, общества потребления, симулякров и симуляции Ж. Бодрийяра, и др.

В критически ориентированной социальной мысли XX - начала XXI вв. диагноз общества модерна как цивилизации отчуждения становится одним из сквозных сюжетов. Среди прочего он представлен в работах Г.(Д.) Лукача, М. Хоркхаймера, Т.В. Адорно, Э. Фромма, Г. Маркузе, З. Кракауэра, К. Ясперса, Ж. Эллюля, К. Лефорта, Ч.Р. Миллса, У.Х. Уайта, Д. Рисмена, Ю. Хабермаса, Дж. Ритцера, Р. Сеннета, Б.Ч. Хана, М. Хёффера, Ю.Н. Давыдова, и др. Комплексный вопрос генезиса современных обществ и культуры современного типа нередко связывается с особенностями новоевропейской научной картины мира (радикально противопоставление субъекта и объекта познания, миропреобразовательная установка (рациональный активизм) и т.п.). Указанная многоаспектная тема, в частности, находит отражение в работах М. Хайдеггера, Л.М. Косаревой, П.П. Гайдено, З.А. Сокулер, В.А. Беляева, Д. Вуттона, и др. Квантифицирующий стиль мышления, пускающий глубокие корни в культуре модерна, выступает духовным основанием монетарных отношений в капиталистической экономике. Фундаментальное значение для осмысления этой особенности Современности имеет трактат Г. Зиммеля «Философия денег». Не менее важной особенностью обществ модерна является их технократический характер, становящийся специальным предметом изучения в философии и социологии техники (в т.ч. в трудах О. Шпенглера, Х. Ортеги-и-Гассета, М. Хайдеггера, Н.А. Бердяева, Л. Мамфорда, Ф. Поллока, Ж. Фридмана, Х. Сколимовски, К. Митчема, Р. Козна, А. Димера и др.). Функционирование систем медиа в современных обществах выступает центральной темой в творчестве Г.М. Маклюэна.

Продукты социального конструирования реальности приобретают качества устойчивости и прочности в пространственно-временных масштабах конкретных обществ, что может быть проиллюстрировано примерами из разных сфер жизни. Теоретико-методологическая программа социального конструктивизма успешно применяется при объяснении феноменов исторической памяти, гендерных и этнических отношений, возрастных различий, медицинского диагноза, и др. Формы совместной деятельности людей институционализируются и реифицируются, обрастая множественными непредвиденными последствиями. Одной из областей, где такого рода институциональное отчуждение приобретает наглядность, оборачиваясь незапланированными (и даже порой контрфинальными) результатами, является сфера высшего образования и науки. В науковедческой литературе, в т.ч. отечественной, сегодня активно обсуждаются проблема утраты академической автономии и разнообразные (наблюдаемые в работе университетов и

исследовательских учреждений) организационно-бюрократические патологии - фетишизация отчетных процедур и наукометрических показателей, «квантофрения», внедрение формально-менеджеральных механизмов и критериев оценивания эффективности интеллектуального труда, командно-административных, авторитарных моделей управления, и т.п. Интерес в этом отношении представляют работы Дж. Мюллера, Т. Иглтона, А. Ленгера, А.В. Юревича, И.П. Цапенко, Н.В. Мотрошиловой, А.Н. Кабацкова, О.Л. Лейбовича, Н.В. Шушковой, Т.В. Захарчук, А. Давыдова, П. Абрамова, и др.

### **Цель и задачи работы**

**Целью** работы является исследование особенностей процесса конструирования реальности или морфогенеза общественной жизни, оборачивающегося кристаллизацией ее объективных и (интер)субъективных структур (институтов, культурно-символических форм, коллективных представлений и т.п.), отчуждением их от человека как творческого агента, «свободного творца» или продуцента социального действия.

Для достижения цели требовалось решить следующие **задачи**:

1. Подвергнуть систематической реинтерпретации ряд ключевых тематических сюжетов и положений, лежащих в основании конструктивистской традиции в истории философской и научной мысли.

2. Сделать предметом специального рассмотрения конструктивную функцию человеческих знаний и сознания как инструментов «устроения миров», и среди прочего предпринять исследование некоторых компонентов формально-априорной аксиоматики в работе сознания или принимаемых на веру допущений, определяющих специфику и характер отношения сознания к его объектам (с опорой на кантианскую, прагматистскую и феноменологическую эпистемологию).

3. Аналитически эксплицировать логику и механизмы социального конструирования реальности как особого рода процесса, приводящего в конечном итоге к формированию устойчивых и воспроизводимых во времени структур общественных институтов и паттернов социальных взаимодействий.

4. Продемонстрировать возможность синтетического, компромиссного решения проблемы «субъект – структура», преодолевающего конфронтационный характер дискуссии между холизмом и сингуляризмом, социологическим реализмом и социологическим номинализмом, социальным эссенциализмом и методологическим индивидуализмом.

5. Показать, что потенциальный волюнтаризм человеческих действий в конкретных ситуациях социальной интеракции обычно преодолевается, поскольку указанные действия, будучи вписанными в масштаб институциональных структур, оказываются по преимуществу правилосообразными; а также оценить роль непредвиденных последствий совместной деятельности людей как значимого компонента процесса социального конструирования реальности.

6. Проиллюстрировать противоречивый и драматический характер процессов институционализации на ряде типических (обстоятельно изученных в социальных науках) тенденций, таких как рутинизация харизмы, дерадикализация общественных движений, превращение контркультуры в мейнстрим, олигархизация политических партий, бюрократизация (в разных организационных контекстах, в т.ч. в сферах науки и образования), и т.п.

7. Предпринять критический анализ феномена символического фетишизма как одного из закономерных проявлений и последствий универсального процесса социального конструирования реальности.

8. Исследовать исторически специфические проявления отчуждения применительно к обществам модерна на примерах инструментальной рациональности, денежного хозяйства, техники и технических медиа.

9. Описать специфические эмпирические версии процессов социального конструирования реальности, проявляющихся в сфере формирования исторической памяти, индивидуальных и коллективных представлений о прошлом.

10. Подвергнуть анализу и проиллюстрировать объяснительные возможности теоретико-методологической программы социального конструктивизма на примерах гендерных и этнонациональных отношений.

11. Подвергнуть анализу и проиллюстрировать объяснительные возможности теоретико-методологической программы социального конструктивизма на примерах возрастных различий (в т.ч. применительно к периоду детства), а также медицинского диагноза как социально легитимной номинации, профессиональных и обыденных представлений о здоровье и болезни.

12. Сделать предметом специального анализа эмпирический кейс социально-организационных трансформаций современной российской науки и высшего образования, совершающихся в ходе их перманентного реформирования в постсоветскую эпоху, в т.ч. под влиянием информационно-технологических изменений последних десятилетий.

## **Объект и предмет исследования**

**Объектом** исследования является интегральный и многоаспектный процесс социального конструирования реальности в том виде, в каком он предстает и описывается в полидисциплинарной традиции философии и наук о человеке и обществе.

**Предметом** исследования выступает совокупность специфических последствий процесса социального конструирования реальности, которые выражаются в автономизации, объективизации и реификации продуктов человеческого мышления и деятельности, приобретающих способность обратного (притом принудительного) воздействия на людей как исходных творцов социокультурного мира.

## **Научная новизна работы**

- В диссертации показаны линии преемственности и одновременно своеобразие концепций конструктивистского толка, возникших в различных дисциплинах на разных этапах развития, а также выявлена степень их принципиального идейного родства, изоморфизма и потенциальной конвертируемости.
- Было проведено исследование теоретических предпосылок и генезиса конструктивизма как особой мультидисциплинарной программы социальных и гуманитарных наук, концептуализирующей идею об активной роли индивидуального и / или коллективного сознания в процессе образования повседневных и научных «картин мира», определяющих в значительной мере направление действий социальных акторов и подлежащих объективизации и реификации в форме культурных ценностей, поведенческих паттернов и общественных институтов.
- Было доказано, что различные версии социально-конструктивистской исследовательской программы могут быть логически непротиворечивым образом интегрированы в общую систему аргументации, используемой в социологической теории для объяснения процессов институционализации и структуриации общественных отношений.
- Предложен подход к анализу ряда сопоставимых по авторскому замыслу и смысловой направленности социологических концепций, ориентированных на построение «синтетических» объяснительных моделей общественной жизни, стремящихся, среди прочего, к преодолению базовых оппозиций современной социальной теории, таких как «субъект, действие, агентность – структура, институты», «методологический индивидуализм – социологический реализм» и т.д.

- Продемонстрирована возможность трактовки универсального процесса социального конструирования реальности как сложного, полиаспектного морфогенеза, воплощающегося в формировании и кристаллизации разнообразных «структур специфически социального происхождения», оказывающих влияние на человеческое мышление и поведение, - систем норм, правил, институтов, культуры и т.п., - и подлежащих автономизации, объективизации, реификации и темпоральной трансляции.
- Исследованы логика и механизмы «перерождения» социально-групповых образований, их структурной реконфигурации/«мутации» в процессе кристаллизации и формирования социальных институтов. Выявлен и описан противоречивый и парадоксальный характер институционализации социальных отношений; среди прочего рассмотрены такие прецедентные примеры метаморфоз социальных структур как рутинизация харизмы, превращение секты в церковь, контркультуры в культурный мейнстрим, олигархизация, бюрократизация, эволюция социальных движений.
- С опорой на ряд классических социально-философских и теоретико-социологических текстов был предпринят анализ феномена символического фетишизма как одного из закономерных проявлений и последствий универсального процесса социального конструирования реальности; в частности, выявлена и проиллюстрирована тенденция автономизации и реификации знаково-символических систем, изоморфная тенденциям, наблюдаемым в институциональной сфере.
- Осуществлен анализ универсального феномена отчуждения и его конкретных вариаций и воплощений, определяющих специфику культурно-аксиологической и институциональной конституции современных обществ. С привлечением ряда классических источников была реконструирована роль мировоззренческих паттернов новоевропейского сознания в историческом становлении рационально-технократической цивилизации модерна. На примере социальных теорий XIX-XX веков (К. Маркс, Г. Зиммель, М. Вебер, Франкфуртская школа, и др.) была продемонстрирована смысловая связь между диагностикой общества модерна в их рамках (как одной из сквозных, лейтмотивных тем социологического теоретизирования вплоть до настоящего времени) и критической, философски и мировоззренчески фундированной оценкой феномена отчуждения.
- Показаны возможности интерпретации феноменов индивидуальной и групповой исторической памяти с точки зрения методологии социального конструктивизма и с использованием подходов к анализу обыденных форм знания о прошлом, выработанных в классических социологических теориях.

- Выявлена способность конструктивистской исследовательской оптики высвечивать историческую относительность и изменчивость систем гендерных и этнических отношений, нередко предстающих (в обыденном сознании и идеологическом дискурсе) в качестве «естественных», квазиприродных, примордиальных фактов. Показана склонность этих отношений к реификации, объективизации и кристаллизации в устойчивых формах социальных институтов и культуры.
- Феномены возрастных различий и различий, выделения биографических этапов в жизни человека исследованы в их специфически конструктивистском измерении; в частности, показано, что проведение возрастных границ в конкретных культурах совершается под влиянием общества и никогда не ограничивается одним лишь учетом биологических характеристик индивидов. Также описаны социальные функции врачебного диагноза как средства конструирования медицинской биографии пациента, его субъективного образа и идентичности; определены социологически релевантные реквизиты позиции врача при постановке диагноза - как осуществляющего «власть номинации» легитимного носителя авторитета медицинского профессионального сообщества.
- Предпринят анализ «парадоксов рационализации» и организационных патологий, негативных тенденций и деструктивных последствий новейших трансформаций, наблюдаемых в сферах производства и воспроизводства научного знания (на примере современных российских университетского и академического сообществ). Указанные парадоксы и патологии рассматриваются автором как специфические эмпирические вариации универсального феномена отчуждения.

### **Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования**

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно на очередном витке идейной эволюции философии и социально-гуманитарного знания возобновляет дискуссию о неустаревающей эвристической ценности концепций отчуждения, описывающих с разных сторон болезненные для человека и человечества процессы овеществления (реификации) общественных отношений. В областях социологической теории и «рефлексивной» социальной философии диссертация стимулирует продолжение исследовательской работы по поиску новых синтетических решений антиномической проблемы (бинарной оппозиции) «субъект/агентность/ действие – структура/институты». В диссертации представлена новая расширительная трактовка рамочного понятия

конструктивизма как полидисциплинарной теоретико-методологической программы философии и социально-гуманитарных наук.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается среди прочего в заложенном в нем фоновом социально-критическом и гуманистическом потенциале, поскольку в нем, как и в ряде других работ по социальной теории, на передний план выходит проблема человеческой свободы, ее возможностей и ограничений в разнообразных и меняющихся общественно-исторических контекстах. Материалы диссертации могут быть использованы в преподавательской деятельности, при подготовке учебных курсов по социальной философии, теоретической социологии, истории философской и общественной мысли.

### **Методология диссертационного исследования**

Диссертация писалась под впечатлением от прочтения многих классических и отчасти современных источников по философии, социологии, психологии и ряду смежных дисциплин. Поскольку на подготовительный этап работы было затрачено довольно много времени, диссертация в ее итоговом варианте накопила значительный объём прямого цитирования. Известное «злоупотребление» адресациями к фрагментам чужих произведений было не столько продиктовано стремлением придать больший субъективный вес авторским суждениям и доводам, сколько являлось отражением принципиального нежелания игнорировать существующую (притом весьма разветвлённую) интеллектуальную традицию.

Вероятно, здесь было бы уместно выделить из общего массива актуальных идейных рецептов лишь один источник, который являлся своего рода ориентиром и образцом для подражания еще «на старте», когда автор только приступал к реализации своего исследовательского проекта. Это - «Социальное конструирование реальности» П. Бергера и Т. Лукмана (1966)<sup>4</sup>. До сих пор более поздние попытки построения теоретического синтеза в социологии кажутся нам лишь перепевами центрального сюжета упомянутого произведения.

Несмотря на то, что спектр концепций, используемых в диссертации, был предельно широким, все же можно указать на одну сквозную или корневую методологическую линию, являвшуюся для автора своего рода ориентиром. Речь идет о таком зонтичном термине как конструктивизм или конструкционизм. Эти понятия употребляются в работе как синонимы,

---

<sup>4</sup> Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

несмотря на существование иных трактовок указанных терминов, настаивающих на их различии. Хотя конструктивистских концепций (существенно отличающихся друг от друга по языку, аргументации, дисциплинарной принадлежности) существует великое множество, все они исходят из установки, что человеческое сознание (по-разному понимаемое), его формы и структуры выступают в роли своего рода строителей миров, или, по меньшей мере, картин мира, определяющих практическое и теоретическое отношение людей как мыслящих и действующих субъектов к социальным и природным объектам, наполняющим горизонты их жизненного опыта. Иначе говоря, конструктивизм как специфическая методологическая программа уделяет особое внимание выявлению той функции, которую выполняют индивидуальное или коллективное сознание в процессах организации и субъективной ориентации человеческой деятельности в мире. Анализу идейных установок, лежащих в основании конструктивистских теорий, описанию их интеллектуальной генеалогии и конкретных вариаций посвящена значительная часть первой главы диссертации. Первостепенное значение в ряду конструктивистских концепций для автора имела феноменологическая социология А. Шюца и его последователей П. Бергера и Т. Лукмана. С другой стороны, при выходе рассуждений на институциональный уровень потребовалось обратиться и к другим, более поздним, версиям синтетической социальной теории, в т.ч. к теории «устройства общества» (двойной структуризации) Э. Гидденса и генетическому структурализму П. Бурдьё, стремящимся к концептуализации и депроблематизации ключевой социологической оппозиции «субъект – структура».

Во второй и третьей главах диссертации, где автор обращается к интерпретации феноменов отчуждения, содержатся множественные адресации к критической линии в социальной теории (в т.ч. к идеям представителей Франкфуртской школы и т.д.). В качестве общей философской рамки при рассмотрении конкретных кейсов, анализируемых в третьей главе, используются идеи позднего Г. Зиммеля, прежде всего его концепция «трагедии культуры»: диалектики жизни (или материи обобществления) и культурных форм.

### **Положения, выносимые на защиту**

- Характеристика своеобразия концепций конструктивистского толка в философии и социально-гуманитарных науках подтверждает высокую степень их изоморфизма и потенциальной комплементарности как моделей теоретического объяснения феноменов общественной жизни.

Системы аргументации, используемые в субъектоцентричных теориях знания и сознания, развивавшихся в рамках философии и психологии, и в социологических концепциях нормативно-институционального морфогенеза, стремящихся к элиминированию проблематичности бинарной оппозиции «агента - структуры», могут рассматриваться как логически дополняющие друг друга объяснения внутренне организованного и упорядоченного характера человеческого опыта и социальной жизни.

- Человеческие знания и сознание выполняют функцию субъективных и/или интерсубъективных «конструкторов миростроительства», что дает возможность индивидам как акторам осуществлять когнитивно-практическую ориентацию в окружающей их природной и социальной реальности, приспосабливаться к ней, преобразовывать ее и вырабатывать осмысленные стратегии деятельности.
- Социальное конструирование реальности или морфогенез социальной жизни представляет собой процесс по преимуществу взаимно согласованного, нормированного и правилосообразного коллективного поведения акторов, перманентно генерирующего, воссоздающего и транслирующего устойчивые исторически складывающиеся конфигурации общественных отношений. Эти отношения реифицируются и кристаллизуются в формах социальных институтов, культурных паттернов-образцов, традиций, обычаев, систем субъективной ориентации действия, схем практического сознания (габитусов), и т.п., воспроизводящихся и поддерживаемых через механизмы интернализации и благодаря действию разнообразных инструментов социального контроля.
- Обстоятельное рассмотрение и экспликация логики интегрального процесса социального конструирования реальности демонстрируют возможность совмещения (комбинирования) аргументации, используемой в социологических теориях «номиналистского» и «реалистского» типов, что отчасти ослабляет остроту традиционного противостояния между ними.
- Процессы социального морфогенеза оборачиваются в большинстве случаев непредвиденными последствиями (в т.ч. институционализирующимися), образующими объективный контекст деятельности социальных акторов в конкретных ситуациях, что делает объяснимым противоречивый характер изменений, разворачивающихся на всех уровнях общественной жизни. Социальные институты и структуры, генетически производные от сознательной деятельности

людей как их источника, тем не менее, всегда приобретают специфическую меру автономии по отношению к этой деятельности.

- Логика институционализации, обнаруживаемая в структурах жизненного цикла больших социально-групповых образований, определяет вектор их трансформации в направлении специфического выхолащивания их первоначальных содержательных задач и функций, что может быть показано на примерах тенденций олигархизации политических объединений, бюрократизации в организациях разного типа, дерадикализации социальных движений, процессах рутинизации харизмы, и т.п.
- Повсеместно обнаруживает себя взаимосвязь между процессами коллективного (вос)производства и артикуляции смыслов / ценностей в формах совместной человеческой деятельности и общественного сознания, с одной стороны, и процессами (вос)производства знаково-символических систем, составляющих важную компоненту объективированного универсума социальной жизни, с другой. Символическая система общества приобретает значительную автономию (по отношению к конкретным индивидам), формируя опредмеченную, овеществлённую среду духовной и материальной культуры, в масштабах которой разворачивается жизнь и деятельность социальных акторов.
- Диагноз, поставленный культуре и обществу модерна в «критической» традиции социальной теории XIX -XX столетий, сохраняет свой эвристический потенциал и в первые десятилетия XXI в. Так, среди прочего, веберовский концепт инструментальной (или формальной) рациональности может быть использован в качестве средства анализа разнопорядковых структур современных обществ, в том числе на примере комплексных социокультурных феноменов денег, техники и технических медиа.
- Образы прошлого (ре)конструируются на индивидуальном, макро- и микрогрупповом уровнях в сознании социальных акторов с учетом специфических «нужд настоящего», их изменяющихся интересов, общественного положения и габитуса, прежде всего в целях их явной или латентной самолегитимизации. Таким образом, историческая память предстает перед исследователем как явление в содержательном отношении чрезвычайно подвижное, крайне чувствительное к изменениям ментального и социального контекстов жизни конкретных групп людей.
- Гендерная и этническая принадлежность, идентичность и социально-групповые структуры, образующиеся по гендерному и этническому

основаниям, могут быть рассмотрены как продукты общественно-исторического развития, как феномены, имеющие по преимуществу социокультурное происхождение, или, иначе и шире говоря, как результат специфического социального конструирования.

- Объяснительную эвристику социального конструктивизма как теоретико-методологической исследовательской оптики можно также проиллюстрировать на примерах возрастных различий и медицинского диагноза. Представления людей о возрасте, здоровье и болезни являются социально сконструированными и культурно вариативными; в то же время они оказывают ощутимое влияние на поведение и самоидентификацию индивидов в конкретных обществах.
- Отчуждение и реификация как тренды, наблюдаемые на разных уровнях в различных системах общественных отношений, проявляются, в частности, в «парадоксах рационализации», что становится очевидным на примерах организационных трансформаций науки и высшего образования, а также социальных последствий новейшей технологической и информационной революции.

### **Степень достоверности и апробация результатов исследования**

Степень достоверности результатов, содержащихся в диссертации, обеспечивается ее солидной источниковой базой, а также многолетним научно-исследовательским и преподавательским опытом соискателя. Абсолютное большинство промежуточных результатов исследования было опубликовано в журналах «переднего края», высокорейтинговых научно-периодических изданиях. Среди прочего, соискатель выступал автором множества статей (и консультантом) Большой российской энциклопедии (БРЭ). Всего опубликовано 69 статей в разных алфавитных томах бумажной версии БРЭ, а также несколько десятков – в ее новой электронной версии, в том числе по ключевым вопросам социальной теории, непосредственно поднимаемым в диссертации (например, статьи «Отчуждение», «Модерн», «Рационализация», «Реификация», «Философия истории», «Философия техники», «Феноменологическая социология», «Символический интеракционизм», «Зиммель Георг», «Социальная норма», «Социальный контроль», «Харизма» и др.).

Всего соискатель имеет **40** работ, опубликованных по теме диссертации, из них **26** статей общим объёмом 30 п.л., опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по научной специальности 5.7.7 Социальная и политическая философия

(индексируемых в ядре Российского индекса научного цитирования «eLibrary Science Index»). Материалы диссертации, помимо апробационных статей, получили развернутое изложение в персональной авторской монографии, написанных автором главах четырех коллективных монографий, а также двух учебниках по истории социологической мысли.

Диссертация прошла обсуждение на кафедре социальной философии и философии истории философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и получила положительное заключение.

Апробация результатов проходила на всероссийских и международных научных конференциях, конгрессах, симпозиумах и круглых столах, в том числе: «Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии» (доклад «Социологическое просвещение: веберианские медитации на российской почве», 2011 г. Институт социологии РАН, Звенигород); «Вторые Давыдовские чтения» (доклад «Знания и «создание миров»: фрагменты интеллектуальной истории конструктивизма», 2014 г. Институт социологии РАН, Звенигород); Восьмые чтения памяти В.Б. Голофаства «Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему» (доклад «Хвост, виляющий собакой: как актуальное настоящее формирует изменчивое прошлое», 2014 г. Социологический институт РАН, Санкт-Петербург); «Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности – философско-социологическая методология» (доклад «Социальная философия versus теоретическая социология: «братские республики мысли» или «интеллектуальные секты»?», 2014 г. МГУ, Москва); «Современные общества: понятие, своеобразие, типология» (доклад «“Вселенная модерна” на когнитивной карте социологической теории», 2015 г. МГУ, Москва); V Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» (доклад «Рождение правил или «с чего начинается общество?» (нормативные атрибуты социального и агентно-структурный дуализм)», 2016 г. УрФУ им. Б.Н. Ельцина, Екатеринбург); 13th ESA Conference «(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities» (доклад «Individual in a world of institutes: logic and mechanisms of social construction of reality», 2017, European Sociological Association, Athens, Greece); XIX ISA World Congress of Sociology «Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities» (доклад «Paradoxes of Modern Scientific Publication Activity in the Field of Contemporary Russian Science: Genesis, Diagnosis, Trends». Co-aut.: A.V. Kuleshova, 2018, International Sociological Association, Toronto, Canada); «Научное наследие Карла Маркса: современная цивилизация и капитализм» (доклад «Модерн как «цивилизация отчуждения»: Маркс, Зиммель и другие», 2018 г.

Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург); «Понятие “современности” в социально-философской рефлексии: новые движения, структуры, практики» (доклад «Социальная теория и драма Современности: адрес и место действия – Театр Модерн (основная сцена)», 2021 г. МГУ, Москва); «Ценностные основания, критерии, ориентиры социальной нормативности и постсекулярный разум» (памяти проф. И.А. Гобозова)» (доклад «Социальная теория о природе и механизмах нормативности общества и правилосообразности действия: между Сциллой реализма и Харибдой конструктивизма», 2021 г. МГУ, Москва); «Человек и общество в контексте современности (Философские чтения памяти проф. П.К. Гречко)» (доклад «Модерн на операционном столе социальной теории: пациент скорее жив?», 2023 г. РУДН, Москва); «Социальная философия и наука: каузальности, закономерности и инварианты общественного развития» (доклад «Каузальность versus субъектность (как все ещё возможна социально-научная теория?)», 2024 г. МГУ, Москва).

В вузах Москвы с использованием материалов, идей и результатов диссертационного исследования читается ряд учебных дисциплин, в т.ч. в МГУ имени М.В. Ломоносова спецкурсы «Современные социологические теории: гид по интеллектуальному ландшафту» и «Общество “под микроскопом”: повседневность как предмет социального теоретизирования» (на философском факультете), а также общий курс «Социальная философия» (на социологическом факультете); в РУДН им. П. Лумумбы общие курсы «История социологии», «Современные социологические теории» и спецкурс «Социология Макса Вебера»; в Государственном академическом университете гуманитарных наук (ГАУГН) общие курсы «История западной социологии» и «Современные социологические теории».

## II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из трех глав, введения, заключения и списка литературы. Во введении обосновывается актуальность темы исследования, кратко характеризуется степень ее теоретической разработанности, определяются объект и предмет, цель и задачи исследования, его методология, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту. Общая содержательная логика расположения глав (и параграфов в главах) легко просматривается: открывается работа общеперспективной философской перспективой анализа (гл. 1), постепенно сменяющейся перспективой теоретико-социологической (гл. 2), которая впоследствии дополняется рядом специально-теоретических зарисовок и иллюстраций (гл. 3).

В первой главе **«Миры на ладони субъекта, - как создаются социальные конструкции? (философские вариации)»** центральная тема исследования разворачивается как тема специфически философская. Ее смысловое ядро проще всего схватывается метафорой сознания и знания, восприятий и представлений, ценностей и субъективных ориентаций как инструментов миростроительства. Широкую интеллектуальную традицию, обыгрывающую с разных сторон указанную идею, автор весьма условно именует конструктивизмом (или в ряде случаев – конструкционизмом). Причем оба этих термина фактически используются в диссертации как взаимозаменяемые, хотя такой способ словоупотребления в специальной литературе не является единственно возможным.

Все четыре параграфа первой главы диссертации посвящены решению одной общей задачи: в данной главе предметом анализа становятся теоретические предпосылки и идейная генеалогия конструктивизма как особой мультидисциплинарной программы социальных и гуманитарных наук. В некотором роде параграфы первой главы разделены условно и взаимодополняют друг друга. Идейная генеалогия упомянутого течения мысли описывается прежде всего в параграфах **1.1. «Лабиринтами Матрицы: осваивая социальный конструкционизм»** и **1.2. «Этот мир придуман не нами»: фрагменты интеллектуальной истории конструктивизма»**.

К конструктивистской традиции мысли мы могли бы причислить (в неодинаковой степени, и всегда с определенными оговорками) философов и ученых совершенно разных взглядов и убеждений, толков и типов. Но все конструктивистские теории стремятся в большей или меньшей степени описывать и выявлять специфическое отношение субъекта познания и/или деятельности к элементам окружающей его среды, или, иначе говоря, к данным

его (субъективного) опыта, к миру объектов (или предметов) познания и/или деятельности.

Конструктивизм как широкое, но внутренне слабо интегрированное направление современных социально-гуманитарных исследований имеет куда более глубокие корни в истории мысли, чем это принято полагать. Идея об активной роли индивидуального и/или коллективного сознания в процессе формирования повседневной и научной «картин мира», проецируемых, в конечном счете, на самую «действительность» (независимо от решения вопроса о ее онтологическом статусе), выступает стартовой для множества философских, социологических, психологических и культурологических теорий последних трех столетий. Трансцендентальный идеализм И. Канта, философия символических форм Э. Кассирера и баденское неокантианство, дюркгеймовский анализ коллективных представлений, в т.ч. первобытных форм классификации, американский прагматизм и символический интеракционизм, теория стереотипов У. Липпмана, социальная феноменология Шюца–Бергера–Лукмана, этнометодология Г. Гарфинкеля, когнитивная психология Ж. Пиаже, Дж. Брунера и Дж. Келли, эволюционная эпистемология К. Лоренца, постпозитивистская философия науки, в т.ч. теория парадигмы Т. Куна и методологический анархизм П. Фейерабенда, эдинбургская школа социологии научного знания (Д. Блур и др.), неогумбольдтианство и гипотеза лингвистической относительности Сепира -Уорфа, «радикальный конструктивизм» Э. Глазерсфельда и П. Вацлавика, аналитическая философия Н. Гудмена, нейробиологическая теория аутопойетических систем У. Матураны –Ф. Варелы, варианты «большого социологического синтеза» П. Бурдьё и Э. Гидденса, и т.д. – лишь некоторые пункты релевантного обозначенной теме списка имен и подходов. Большинство из упомянутых теорий используют разную терминологию, связаны с разными традициями мысли и имеют разную дисциплинарную принадлежность. Тем не менее, задача «наведения мостов» между ними, частичного конвертирования их концептуальных словарей представляется актуальной, высвечивающей фундаментальный характер ключевого положения конструктивистской методологической программы, шокирующего порой обыденное и естественно-научное сознание с его наивным аксиоматическим «объективизмом». Согласно этому положению, люди в их мыслях и каждодневной практической деятельности заняты «построением» или «изобретением» миров, приобретающих самостоятельное существование, но в то же время сохраняющих генетическую связь со своими создателями.

Хотя исчерпывающая каталогизация и систематизация теорий, использующих конструктивистскую аргументацию, едва ли может быть

осуществлена в отдельно взятом исследовании, ее предварительные и частичные варианты имеют право на существование. Среди прочего в параграфе 1.1. уделяется специальное внимание одному из впечатляющих своим панорамным охватом темы обзоров конструкционистской традиции в мировой философии и науке – совместному труду социальных психологов школы К. Гергена – Энди Лока и Тома Стронга «Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice», вышедшей на русском языке под названием «Как устроена матрица? Социальное конструирование реальности: теория и практика».

В первых двух параграфах диссертации кроме общей постановки вопроса о принципиальной конвертируемости и комплементарности конструктивистских описаний, возникших в разных областях знания, содержится детальный разбор философских источников упомянутой предельно широкой теоретической линии (от гносеологии раннего Нового времени до американского прагматизма), анализ конструктивистских интенций мысли в биологической версии эволюционной эпистемологии (К. Лоренц) и в теории аутопойетических систем (У. Матурана-Ф. Варела), лингво-культурологических концепций «несоизмеримости» языковых картин мира, и наиболее последовательной и продуманной версии социологического конструктивизма, в качестве которой выступает, по мнению автора, феноменологическая социология А. Шюца. Также автор обращается к анализу конструктивистских мотивов в ряде концепций, возникших в разных областях знания, но получивших широкий трансдисциплинарный резонанс в истории социально-гуманитарной мысли XX столетия (конвенционализм в философии и методологии науки (А. Пуанкаре, К. Айдукевич и др.), плюралистическая концепция «создания миров» Н. Гудмена, теория личностных конструкторов Дж. Келли, теория категоризации Дж. Брунера, и др.

Прямое продолжение разговора о конструктивистском фокусе в эпистемологии, начатого уже в первых двух параграфах диссертации, представлено в **параграфе 1.3. «(Со)знание как инструмент «устроения миров»: мультидисциплинарная перспектива»**. Особый акцент здесь делается на экспликации «нормативного» (нормирующего) и «регламентирующего» характера знаний как прагматического средства селекции и упорядочения данных опыта, информации о природных и социальных объектах, которые используются акторами в процессах координирования их взаимосогласованных действий. Упорядоченность когнитивного универсума индивида выступает при этом в качестве значимого (хотя и не единственного) фактора и предпосылки, обеспечивающей организованный характер социальных практик – как на микро-уровне

межличностных интеракций, так и на социально-институциональном уровне (проблема Ego/Alter или «двойной контингентности» у Т. Парсонса, идеализации «взаимности перспектив» у А. Шюца и т.д.).

В собственном смысле «нормативный морфогенез» сознания объективируется - в т.ч. через языковые практики, будучи опосредованным присутствием в опыте индивида «других» (партнеров по взаимодействию), - в «нормативном морфогенезе» институтов. Причем таким образом, что «первый член» этого обоюдостороннего процесса конституирования правил (в мышлении и поведении) не может быть эмпирически выявлен: субъективный мир актора нормирован и правилосообразен - во многих случаях латентно - благодаря нормированности и правилосообразности объективных социальных структур, и, наоборот, – последние формируются (Г. Зиммель) и, если угодно, даже «субстанциализируются» (Э. Дюркгейм) лишь в ходе объективирования субъективно, в т.ч. когнитивно, правилосообразных действий человеческих индивидов. Нормативный порядок общества лишь аналитически произведен от нормативных порядков языка и мышления индивида (в оптике методологического индивидуализма), но фактически всегда предшествует им (в оптике социального реализма). Признание этого факта адресует нас к диалектическим моделям агентно-структурного дуализма в социальной теории последней трети XX вв. (П. Бергер/Т. Лукман, Э. Гидденс, П. Бурдье, М. Арчер и др.).

Поскольку прямым результатом перманентного морфогенеза общества является становление, поддержание, воспроизводство и видоизменение систем социальных институтов, они могут восприниматься людьми как нечто внеположное, независимо от них существующее, «объективное» и при определенных обстоятельствах - как нечто принудительное и/или принуждающее, оказывающее давление, репрессивное, ограничивающее и т.д. В этом аспекте социальный морфогенез предстает как процесс «отчуждения» и автономизации продукта коллективной деятельности и мышления от них самих (в качестве его источника).

Философски ориентированный конструктивизм стремится к описанию базовых предпосылок сознания (как практического, так и дискурсивного), используемых субъектами социального действия в целях ориентации в окружении социальных и природных объектов, образующем мир их повседневной жизни. Разбору этого вопроса посвящен **четвертый параграф первой главы - «Мир повседневности и «аксиомы» практического сознания: социально-теоретические пролегомены» (1.4)**. Особое внимание в данном параграфе уделяется экспликации латентных «аксиом» или «допущений», «идеализаций» и механизмов обыденного сознания,

конституирующих и цементирующих социальный опыт индивидов на микроуровне взаимодействия с вещной средой и себе подобными («другими»). Среди прочего предметом теоретической проблематизации в конструктивистских концепциях становятся вопросы: о статусе «другого» в простейших системах социальной интеракции, о необходимости допущения относительного постоянства и единообразия как свойств элементов предметного мира, включая допущение о существовании целостного, «самотождественного» Я (личности актора), и т.д. Организованный процесс социального опыта, обеспечиваемый бесперебойной работой когнитивных схем практического сознания, рассматривается в конструктивизме как одно из основных условий воспроизводства координированных рутинных практик, поддерживающих формы социального порядка и институциональные структуры общества.

Допущение существования мира вовне, по-видимому, является одной из стартовых предпосылок для всякого исправно действующего аппарата восприятия и условием функционирования механизмов когнитивной и практической активности человека как такового. Причем в соответствии с этим принципом работает не только отдельное индивидуальное сознание, но все подобные сознания, отводящие определенное место в своих субъективных системах мироориентации другим сознаниям (Ты-сознаниям) как так же «несомненно» существующим – наподобие с моим собственным (Я)-сознанием. То есть убежденность субъекта в существовании таких эмпирических «самотождественностей» как Я-сам, другие Я (Ты, Они) и внешний мир подкрепляется специфически intersubjectивным характером человеческого существования.

**Во второй главе «Творение пленяет творца: общественный универсум и траектории отчуждения (теоретико-социологические вариации)»** представлено более специальное прочтение основной темы диссертационного исследования, предполагающее использование определенного терминологического языка.

Социологическая теория на любом этапе своего развития нуждается в рефлексии и осмыслении собственных концептуальных оснований, включая антиномию «субъекта (действия, агентности) – структуры», а также понятия порядка, норм и правил, образцов, ценностей, институтов, социального контроля, власти и принуждения, конформизма, девиации и т.д. Концептуальные описания оппозиции «субъект – структура», проблемы социального порядка и механизмов нормативно-институционального «морфогенеза» выступают смыслообразующими и «парадигматически

значимыми» для социологической теории, а их критический анализ и сравнение способствуют уточнению общеметодологических оснований социологического знания в целом и выявлению фундаментальных линий размежевания между конкретными школами и направлениями социологической мысли. Критическая реконструкция и интерпретация указанных описаний представлена в первых двух параграфах второй главы: **«Человек в мире институтов: о логике и механизмах социального конструирования реальности» (2.1.)** и **«Рождение правил, или «С чего начинается общество?» (нормативные атрибуты социального и оппозиция «субъект – структура»)» (2.2.).**

Понятийная оппозиция «субъекта – структуры», несомненно, - одна из ключевых дилемм социально-научного знания. В отношении к названной оппозиции различным образом проявляют себя конкурирующие концептуальные и методологические стратегии социологического теоретизирования (методологический индивидуализм и холизм, социологический номинализм и реализм, субъективизм и объективизм, и т.д.). Особый интерес в данном контексте представляют попытки синтетического решения проблемы «субъект – структура», обнаруживаемые в ряде концепций второй половины XX столетия (в т.ч. в теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, теории структуризации Э. Гидденса, и др.).

Возможность принципиального совмещения «конструктивистской» и «структуралистской» аргументации кажется логически очевидной. Она легко демонстрируется на примере интерпретации процессов рождения институциональных структур общества из внутренней логики социального взаимодействия и их последующей «автономизации». Комплексы структурно-институциональных фактов общества перманентно конструируются акторами и конструируют акторов, эти процессы имеют фундаментально обоюдосторонний характер и могут быть разделены лишь аналитически - в воображении исследователей, создающих те или иные теоретические модели, отталкивающиеся либо от факта условного «предсуществования», изначальной эмпирической данности индивидов, либо – структур (и то, и другое имеет свои резоны, но в то же время не является бесспорным).

По факту социально нормированными и структурированными оказываются как формы и содержание мышления индивидов, так и их практические действия в конкретных ситуационно и институционально организованных контекстах. В параграфе 2.2. мы стремились осуществить предварительную реконструкцию и ревизию основного поля аргументов, используемых для объяснения происхождения нормативных порядков общества из внутренней логики процессов социального взаимодействия. При этом наша целевая установка была направлена на формирование более

отчетливого и рельефного видения круга проблем, связанных с агентно-структурным дуализмом общественных отношений и «правилосообразным» характером последних.

Социальные действия людей свободны / волюнтаристичны / (в той или иной мере) осмысленны/ интенциональны, ... и правилосообразны одновременно. Нормированность и правилосообразность элементов социального мира может осознаваться или не осознаваться индивидами, восприниматься или не восприниматься как нечто обременительное и принуждающее. Но, в итоге, по совокупности причин происходит *отрыв*, в результате которого сама форма социальной связи, выражаясь в зиммелевском стиле, приобретает самостоятельность; аморфная материя обобществления упорядочивается, принимая вид геометрической фигуры.

Во второй главе (параграфы 2.1 и 2.2) диссертант обращается к анализу ключевых, в т.ч. ставших классическими, концепций, стремящихся к построению своего рода «синтетической» объяснительной модели социальной жизни, которая, во-первых, оперировала бы «конструктивистской метафорой», рассматривающей общество как своего рода *natura naturata*, «природу сотворенную», сложный продукт взаимодействия мыслящих, чувствующих и волящих индивидов, и, во-вторых (в то же самое время), признающей за социальной реальностью статус *natura naturans*, постоянно генерирующей, производящей и воспроизводящей субъективные, intersубъективные и (квази)объективные структуры, определяющие горизонты, траектории и «форматы» мышления и поведения индивидуальных акторов в конкретных социально детерминированных ситуациях и обстоятельствах. В такой оптике процесс социального «конструирования реальности» предстает как процесс «двойного» морфогенеза, совершающегося на 1) уровне знаний и сознания, и на 2) уровне актов и интеракций; или, что то же самое, морфогенеза правил, норм и институтов, кристаллизующихся в устойчивых формах языка, культуры, обычаев, традиций, морали, права, привычек, и иных внешних и внутренних ограничителей «волюнтаристических» и «креативных» по своему характеру человеческих действий.

Автор полагает, что «диалектическое снятие противоречия», заключенного в диаде «субъект/структура» (номинализм/реализм), лишь тогда может быть корректно описано термином «конструктивизм», если под последним понимать точку зрения, согласно которой совместная деятельность и поведение социальных акторов объективируется в «реифицированных» формах институтов, норм, ценностных образцов, культуры и т.п., приобретающих способность направлять, ограничивать, регламентировать, в общем, «детерминировать» эти самые деятельность и поведение. Т.е. даже если

общество и не является более «онтологически реальным» по сравнению с составляющими его материальный и психический «субстрат» индивидами (номинализм, методологический индивидуализм), оно становится таковым по своим последствиям (реализм).

Всякая деятельность людей неизбежно фреймирована, паттернирована, габитуализирована, правилосообразна – как на собственно институциональном, так и на повседневном уровне. Субъективно и объективно «организованный» характер человеческой деятельности является предпосылкой согласованного социального опыта, обеспечения минимально приемлемого стандарта взаимопонимания/коммуникации между участниками интеракций, а также необходим для более или менее слаженного функционирования общества как структурно упорядоченного комплекса связей, ролей, позиций и т.п. Не только поведенческая в узком смысле, но и психическая, ментальная, когнитивная, эмоциональная, языковая активность индивида тоже определенным образом координированы и упорядочены. И это связано не только с особенностями биопсихической конституции человека, но и с тем, что он всегда живет в окружении других людей, и вступает с ними в определенные отношения, принимающие в ходе социально-исторической эволюции те или иные систематические формы.

Содержание опыта, особенно опыта социального, дано только в кристаллизующихся формах. Отсюда логически следует неизбежность реификации / овеществления и объективации человеческих отношений в институтах, традициях, обычаях, языке, морали, юридических кодексах, формах коллективного сознания. Внеинституциональные формы совместного существования людей трудно представимы. Поэтому «борьба с институтами», - в чем бы она ни заключалась и чем бы ни оправдывалась, - не может иметь целью их полное уничтожение и водворение жизни на внеинституциональной основе. Наконец, само противопоставление индивида и общества в известном смысле условно, т.к. индивид с его «свободой» и «творчеством» вне общества так же невозможен и сам является результатом и продуктом определенных социально организованных / исторически сложившихся обстоятельств и контекстов.

Можно утверждать, что наличие институтов «функционально целесообразно» и само по себе является формальным инвариантом социальной жизни. В то же время, само существование институтов отчасти изоморфно и коррелирует с организацией биологической, психической и лингво-когнитивной конституции человека как существа *sui generis*, и эта связь взаимна.

Окружающие человека «объективные» социальные структуры (а также продукты их интернализации, их «двойники» в субъективном мире, - коллективные представления, «габитусы», системы установок, образцов и ценностных ориентаций, духовная культура, язык, и т.п.) дают возможности, открывают перспективы и ограничивают, оказывают давление одновременно. Институты не только притесняют, но и защищают, - например, от злонамеренной воли конкретного или абстрактного «другого», ставят рамки индивидуальному произволу, избавляют от непредсказуемости. Без рутин, правил и институтов, внешней и внутренней регуляции совместная жизнь людей была бы невозможна. Но на каком-то этапе люди обнаруживают, что оказались заперты в клетку. И по этой тонкой грани между спонтанностью жизни и принудительностью социальных сил человечеству приходится ходить на протяжении тысячелетий.

Могут ли вообще институты быть «друзьями» людей? Этот вопрос, по существу, всегда остается принципиально открытым. В нашей работе нам лишь удалось установить (в т.ч. через обращение к наследию мировой общественной мысли), что *некоторые* социально-институциональные структуры - в ряде опознаваемых, вполне типических случаев - демонстрируют предрасположенность к превращению в «тюрьмы» для их *у/строителей*, и эта тенденция носит имманентный характер, являясь отражением противоречивой логики / механики процессов социального конструирования реальности.

Диагностике упомянутой тенденции посвящен **параграф «(У)строители тюрем, или Как институты становятся врагами людей? ...» (2.3.)**. В нем предметом изучения становятся логика и механизмы «перерождения» социально-групповых образований, их структурной реконфигурации / «мутации» в процессе кристаллизации и формирования социальных институтов. Особый акцент делается на выявлении противоречивого и парадоксального характера институционализации социальных отношений. Рассматриваются такие прецедентные примеры метаморфоз социальных структур как рутинизация харизмы, превращение секты в церковь, контркультуры в культурный мейнстрим, олигархизация, бюрократизация, отмирание предпринимательской функции, эволюция социальных движений. По ходу изложения автор обращается к ряду классических концепций (Г. Спенсер, М. Вебер, Р. Михельс, Й. Шумпетер, Г. Блумер, С. Московичи, Ж. Эллюль и др.), интерпретирующих феномены социально-групповых и организационных трансформаций, наблюдаемых во многих типах общественных структур и приводящих к сущностному видоизменению последних. Общей рамкой анализа при этом становится концепция «трагедии культуры» позднего Г. Зиммеля, постулирующая

фундаментальный конфликт между творческой агентностью индивида как субъекта действия и устойчивыми (институционализированными и объективированными) формами коллективного опыта, накладывающими множественные ограничения на проявления «свободы» актора и определяющими (исторически складывающиеся и закрепляющиеся) структурные контексты общественной жизни.

Но люди в процессе их коллективной жизнедеятельности попадают в зависимость не только от институтов, но и от социокультурных символов, по сути своей столь же рукотворных, как и институты. Поэтому **в параграфе 2.4. – «В объятиях картонных богов: о магии имен, силе слов ...»** - предметом критического анализа становится феномен символического фетишизма как одно из закономерных проявлений и последствий универсального процесса социального конструирования реальности. (Вос)производство и артикуляция смыслов / ценностей в формах совместной человеческой деятельности и общественного сознания сопровождаются (вос)производством знаково-символических систем, составляющих важную компоненту объективированного универсума социальной жизни. Символическая система общества приобретает значительную автономию (по отношению к конкретным индивидам), формируя опредмеченную, овеществлённую среду духовной и материальной культуры, в масштабах которой разворачивается жизнь и деятельность социальных акторов. Собственную трактовку указанной темы автор выстраивает на базе рецепции четырех источников: 1) теории проводников взаимодействия раннего П.А. Сорокина, 2) теории символического капитала и символического насилия П. Бурдьё (включающей размышления о «власти номинации» и ее роли в конституировании социальных отношений), 3) представлений Ж. Бодрийяра о знаковой природе потребления в обществах последних десятилетий XX - начала XXI века, а также 4) концепции «неизменяемых мобильностей» Б. Латура.

**Глава третья «Рукотворные миры и их обитатели (конкретно-эмпирические вариации)»** организована как своего рода коллаж иллюстраций или показательных кейсов.

Одной из важных особенностей процессов социального морфогенеза является их способность производить комплекс последствий, которые оказываются «непредвиденными» для акторов, вовлеченных в сложные композиции интеракций (интеракций, всегда имеющих свою историю (зависимость от колеи предшествующих форм социальных отношений), и никогда в этом смысле «не начинающихся с нуля»). Тенденции реификации / овеществления, отчуждения, объективизации, кристаллизации,

институционализации продуктов социального конструирования реальности нередко оборачиваются «против человека», что неоднократно подчеркивалось в ряде социально-философских и теоретико-социологических концепций.

В третьей главе автор продолжает начатый ранее анализ проблемы отчуждения как одной из фундаментальных проблем социальной теории XIX - XX вв. При этом сам феномен и концепт отчуждения трактуется не в том или ином своем специальном значении (как, например, отчуждение труда, и т.п.), но в предельно широком – как превращение продуктов индивидуальной и коллективной деятельности людей в самостоятельную силу, подчиняющую себе человека и переводящую его из положения субъекта в положение объекта общественных отношений.

Каждая эпоха и институциональный контекст приносят свою специфику в протекание процессов отчуждения. Их общая логика в самом широком виде описывается зиммелевской концепцией трагедии культуры. В этой концепции диагностируется конфликт, рождающийся из внутреннего противоречия между содержанием и формой, жизнью и культурой, «свободной» человеческой деятельностью, с одной стороны, и ее неизбежно исторически ограниченными продуктами и результатами, с другой. Иначе говоря, речь идет о фундаментальном конфликте между творческой агентностью индивида как субъекта действия и устойчивыми (институционализированными и объективированными) формами коллективного опыта, накладывающими множественные ограничения на проявления «свободы» актора и определяющими (исторически складывающиеся и закрепляющиеся) структурные контексты общественной жизни. В диссертации автор использует указанную идею Зиммеля как «рамочную» и «стартовую».

Социальные конструкты разного рода осуществляли господство над людьми на протяжении тысячелетий. И хотя процессы отчуждения в их широком толковании выступают «универсальным» свойством социальной жизни как таковой, в разных обществах, в разные исторические периоды отчуждение могло предстать в весьма несходных, вариативных эмпирически конкретных формах. У современных обществ в этом отношении есть свои особенности, и их выявлению посвящен **первый параграф третьей главы «Осторожно, Модерн!», или Театр теней современности и его персонажи: инструментальная рациональность - деньги - техника» (3.1).**

Объяснить возникновение исторически специфических проявлений отчуждения применительно к обществам модерна можно, обратившись к классической теме генезиса этих обществ. Своеобразие их институциональной организации в значительной степени связано со своеобразием их культуры и особенностями духовной жизни (в частности, с радикально проведенным в

эпоху Нового времени размежеванием между человеком и природой, субъектом и объектом). Многосторонний феномен научно-технической рациональности как продукт постренессансной западноевропейской культуры в известном смысле выступает источником социальных реалий и практик, «чреватых отчуждением». Общество модерна конституировано «культурным кодом» инструментальной рациональности, диагноз и происхождение которого становились одной из ключевых тем в дискурсе социальной теории XIX-XX вв. В целях идейной реконструкции обозначенной темы мы обратились к наследию мировой философии и общественной мысли, проблематизировавших и концептуализировавших различными способами обозначенный круг вопросов. Среди прочего, предметом рецепции и обсуждения стали для нас воззрения представителей Франкфуртской школы, философов-экзистенциалистов, а также «столпов» теоретической социологии – К. Маркса и Г. Зиммеля.

Типической иллюстрацией работы механизмов инструментальной (или «формальной») рациональности является логика функционирования капиталистического денежного хозяйства, в том числе за пределами экономической сферы жизни в узком смысле. Коммодификация и квантификация в обществах модерна выступают абстрактными принципами, превращающими социально значимые объекты и блага (не только вещественные) «в товары», т.е. в совокупность взаимно конвертируемых, количественно измеряемых величин, потенциально исчисляемых единиц ценности, имеющих определенную рыночную стоимость и подлежащих обмену на любые другие подобные им блага.

Далее по ходу изложения в фокусе рассмотрения оказывается техника как «фетишизируемая» современным мышлением сфера. Также внимание уделяется описанию различных проявлений отчуждения в области трудовой деятельности, выступающих не только следствием частной собственности на средства производства (как в трактовке К. Маркса), но и побочным продуктом объективных тенденций усугубляющейся в ходе исторического развития социальной дифференциации, а также подчинения большинства сфер социального опыта человека эпохи модерна логике инструментальной рациональности. Избыточная специализация, стандартизация, алгоритмизация, рутинизация деятельности, технологическая и функциональная операционализация рабочего процесса и профессиональных ролей, доминирование средств над целями, административно-бюрократическая регламентация и контроль ... становятся «признаками времени» и отличительными особенностями «ритма активности» не только на промышленных предприятиях, но и в сферах «нефизического» труда. Важным аспектом (и фоновым обстоятельством) в диагнозе современности становится

тот факт, что общества модерна формировались в последние столетия, по преимуществу, в урбанистической социально-экологической среде. Формат и стиль городской жизни, характеризующейся ролевой фрагментаризацией и специфической деперсонификацией (и ростом анонимности), также провоцировали целый спектр последствий, делающих отчуждение ощутимой проблемой для людей в современных обществах.

Небольшое ответвление разговора о роли техники, в т.ч. новых коммуникационных технологий и их влиянии на человека в современных обществах, содержится **в параграфе 3.2. – «Во власти медиума: человек и новые коммуникационные технологии в современном мире».**

Конкретные проявления коллизий социального морфогенеза можно наблюдать во множестве разновидностей и в обществах начала XXI века, в т.ч. в России. Примерами здесь могут служить деструктивные тенденции бюрократизации, фиксируемые в различных организационных контекстах – не только в экономической сфере или государственном управлении и администрировании, но и в образовании, медицине, искусстве. Другой набор актуальных иллюстраций способности морфогенеза социальной жизни производить комплексные непредвиденные последствия преподносит развитие техники и средств коммуникации. Споры о роли новых, в т.ч. компьютерных, технологий в общественной жизни, эксплицированные не только в философии и социологии техники, но и в публичном дискурсе и на уровне повседневности, лишний раз подтверждают важность и практическую востребованность продолжения историко-теоретического осмысления общих и специфических закономерностей социального морфогенеза. Технические системы, в т.ч. технически опосредованные средства коммуникации, и бюрократическая машинерия работают в единой процессуальной логике: апеллируя к специфическим аргументам рациональности и эффективности, отрываясь от своего «коллективного создателя», они начинают императивно предписывать ему особые механизмы действия, диктовать и навязывать свои правила игры. Некоторые аспекты этой сложной тематической повестки для социальной теории более конкретно раскрыты в параграфе 3.2.

В последующих трех параграфах (3.3, 3.4 и 3.5) рассматриваются специфические вариации и преломления процессов социального конструирования реальности, проявляющихся в сферах формирования исторической памяти, представлений о здоровье, болезни и возрастных различиях, а также в областях гендерных и этнических отношений.

Социологический конструктивизм может выступать не только общетеоретической предпосылкой при изучении знания и сознания вообще, но и конкретных форм когнитивной активности, в частности, – памяти,

воспоминаний и представлений о прошлом, разворачивающихся на обыденном, групповом и социетальном уровнях.

**В параграфе 3.3 «Хвост, виляющий собакой: как актуальное настоящее формирует изменчивое прошлое?»** предпринято исследование, основной задачей которого являлось осуществление теоретической интерпретации феноменов и процессов конструирования индивидуальной и коллективной исторической памяти. При этом в качестве общей рамки анализа и его методологической базы выступал подход близкий социологии знания и социологическому конструктивизму.

В своей трактовке указанной проблемы автор отталкивался от следующей теоретической позиции. Образы прошлого конструируются как на индивидуальном, так и на микро- и макросоциальном уровнях, – на уровне семьи, межличностных отношений, этнической группы, народа в целом. Обычно человек проявляет склонность к отбору в памяти (особенно при необходимости ее публичной артикуляции) тех фрагментов и сюжетов, которые актуальны его сегодняшней индивидуальной и групповой позиции, т.е. того, что автолегитимирует, поддерживает принятую в данный момент форму индивидуальной и групповой идентификации. Информация о прошлом пропускается через естественные фильтры сознания, «фабрикуется», модифицируется, иногда «фальсифицируется» (в большинстве случаев произвольным, ненамеренным образом). В качестве значимых факторов такой селекции выступают текущие социальные условия и обстоятельства, ситуационно вариативные контексты интеракции, социокультурные, ценностные паттерны и т.д. Картины прошлого, в т.ч. личной и семейной биографии, а также официальные или альтернативные версии групповой и национальной истории, постоянно в большей или меньшей степени перестраиваются и заново переакцентируются, особенно при смене статуса индивидов и групп, и в эпохи радикальных общественных трансформаций.

Фундирует такой подход целый ряд идей, которые могут быть почерпнуты из истории мировой общественной мысли. Наиболее показательными в данном контексте оказываются классический труд Дж.Г. Мида «Философия настоящего» и работы, посвященные изучению социальных форм бытования и детерминант индивидуальной и коллективной памяти, принадлежащие перу М. Хальбвакса. Хотя эти тексты были созданы в первой половине XX века, они в полной мере сохраняют свой эвристический потенциал и могут быть использованы в качестве теоретико-методологической основы исследований исторической памяти, ее метаморфоз и кажущихся парадоксальными смещений в структуре коллективных представлений, как на обыденном, так и на социетальном уровне. Для иллюстрации эмпирической

работоспособности и объяснительных возможностей этих идей автор использует ряд примеров и аналитических ходов из новейших исследований исторической памяти, а также многочисленные факты трансформаций мемориального дискурса российского общества последних десятилетий. Среди прочего описывается своеобразие процессов формирования и «переформатирования» исторической памяти как фактора, конституирующего этническую и политическую идентичность различных общностей на постсоветском пространстве.

**В параграфе 3.4. «Мужчины, женщины, ... племена, народы: как живет человек среди его конструкторов?»** предпринимается попытка иллюстрации объяснительных возможностей теоретико-методологической программы социального конструктивизма на примере двух областей общественной жизни – гендерных и этнонациональных отношений. Гендерная и этническая принадлежность, идентичность и социально-групповые структуры, образующиеся по гендерному и этническому основаниям, рассматриваются как продукты общественно-исторического развития, как феномены, имеющие по преимуществу социокультурное происхождение. Среди прочего демонстрируется способность конструктивистской исследовательской оптики высвечивать историческую относительность и изменчивость систем гендерных и этнических отношений, нередко предстающих (в обыденном сознании и идеологическом дискурсе) в качестве «естественных», квазиприродных, примордиальных фактов. В то же время обнаруживается склонность этих отношений к реификации, объективизации и кристаллизации в устойчивых формах социальных институтов и культуры. В частности, автор обращается к идеям классиков этносоциологического конструктивизма – Б. Андерсона, Э. Геллнера и Э. Хобсбаума, в т.ч. к аргументации, представленной в концепции «воображаемых сообществ». В параграфе 3.4. дается общая характеристика механизмов и технологий практического (в т.ч. символически-дискурсивного) «производства» этнических идентичностей, построения и «изобретения» наций и народов – как процедур, осуществляемых интеллектуалами и политиками в разных регионах мира. Выявляется специфически «современный» (коренящийся в природе обществ модерна) контекст формирования национальных государств и национализма как особого политического движения и идеологической доктрины.

**В параграфе 3.5. «Старый, молодой, ... здоровый, больной: как общество и культура создают наш возраст и наши недуги?»** представлен краткий экскурс в проблематику конструктивистских исследований субъективной возрастной дифференциации и врачебного диагноза как специфических социокультурных номинаций, обладающих высокой степенью

исторической вариативности. Человеческий возраст и отношение к здоровью и болезни интерпретируются как величины или переменные, в значительной степени зависящие от распространенных в конкретных обществах дискурсивных определений и характеристик этапов биографического цикла индивида и критериев различения нормальных и патологических состояний организма.

И, наконец, в заключительном параграфе третьей главы «Над пропастью с отчетом о проделанной работе...» (3.6.) содержатся некоторые эмпирические наблюдения автора о состоянии и тенденциях развития отечественной науки и высшего образования как особой социально-организационной среды, в структурных масштабах которой институты оборачиваются против людей. На обширную отрасль образования и науки в современной России распространяются основные закономерности процессов институционализации, в т.ч. негативные, и, в частности, стремительная бюрократизация и утверждение менеджериально-технократических управленческих процедур и практик, базирующихся на принципах формально-инструментальной рациональности. Материал этого параграфа можно рассматривать как своего рода эмпирическое дополнение к теоретическому материалу, представленному в параграфах 2.3 и 3.1.

В качестве конкретной иллюстрации («кейса») функционирования механизмов веберовской «железной клетки» инструментальной рациональности в современном обществе на новейшем этапе его развития был проанализирован феномен деформации практик публикационной активности российских ученых. В последние два десятилетия в российском университетском и академическом мире под влиянием перманентных институциональных трансформаций (и как реакция на них) отмечается появление множества новых поведенческих практик. Реформы науки и образования легитимировали перенос на отечественную почву всех удач и неудач зарубежной наукометрии, дополнительно способствуя интенсификации процессов менеджериализации и бюрократизации как трендов развития российской науки. Сфера академического и университетского интеллектуального труда, долгое время сохранявшая высокий уровень автономии, в настоящее время испытывает массированное давление со стороны технократически ориентированных административно-управленческих структур, апеллирующих к моделям бизнес-эффективности и опирающихся на принцип инструментальной рациональности (алгоритмизация, стандартизация, внешняя фиксация результата, калькулируемость достижений, предельная интенсификация темпорального режима деятельности, формальная регламентация и контроль, и т.д.). Российские научные статьи, их качество и

количество, можно рассматривать как отражение общего и специфического неблагополучия продуцирующего их сообщества, а также как свидетельство разложения традиционной системы социального «воспризнания» научного труда и действовавших в ее рамках репутационных механизмов. Ситуацию, на фоне которой разворачиваются публикационные практики современных российских ученых, следует анализировать через осмысление «феноменологии болезни», высвечивая ее структурно-институциональные и культурные контексты, выделяя в качестве основных системных проблем публикационной активности: бюрократизацию научной деятельности, изменяющиеся темпоральные стратегии жизни ученых, появление новых дилемм, не типичных для научной деятельности, искаженное понимание наукометрии, деградацию репутационных механизмов, вынужденную необходимость симулирования результатов научного труда и новейшие (в т.ч. технологические) ресурсы для этой симуляции, смещение ценностных приоритетов и эрозию мотивации в сфере академических занятий, и т.п. Концептуальной рамкой для исследования указанных процессов может выступать, например, теория «макдональдизации общества» Дж. Ритцера, представляющая собой специфический продукт рецепции веберовской трактовки всемирно-исторического процесса рационализации, а также работы П.А. Сорокина середины XX в., посвященные анализу и критике феномена «квантофрениии».

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, в очередной раз подчеркивается противоречивый характер процессов социального конструирования реальности, сопровождающихся отчуждением и объективацией институциональных и культурно-символических структур общества, выступающих одновременно условием-предпосылкой и ограничителем свободы индивида как субъекта социального действия.

### III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Человек-субъект живет в мире окружающих его объектов, образующих среду его существования в мире. Это значит, что человек как специфическая био-психо-лингво-социо-когнитивная «система» в своем существовании имеет дело с данными опыта, которые он с необходимостью должен упорядочивать и организовывать – в целях адаптации к наличествующим и потенциально изменчивым жизненным условиям. Мир как таковой никогда не дан человеку непосредственно, но всегда лишь через цепочку опосредующих звеньев его чувственной и рассудочной, психологической и умственной активности. В отношения человека и мира вмешивается нечто третье, а именно картины мира, его субъективные или интерсубъективные образы.

Совокупность теорий, акцентирующих внимание на интерпретации и анализе процессов индивидуального и/или коллективного построения подобных картин и образов, была обозначена в работе при помощи термина «конструктивизм». В процессе разбора ключевых конструктивистских подходов в эпистемологии, социологии и психологии, языкознании и биологии более или менее отчетливо прорисовывалась одна идея: мир вокруг человека, его большая и малая, природная и социальная вселенная приобретает черты упорядоченности, устойчивости и воспроизводимости в значительной степени потому, что упорядоченными, организованными и согласованными являются структуры его мироориентации. Правила работы с материалом сознания образуют «формальную» почву для правилосообразной деятельности людей в конкретных ситуациях.

Человеческое сознание оперирует своими «объектами», опираясь на определенный набор аксиом или допущений. Вера в реальность внешнего мира является одной из важнейших модальностей сознания: Я интенционально (пред)полагает существование не-Я как чего-то внеположного Я, противопоставленного ему. Человеческая Самость разворачивается в инобытии природного и социального миров, и одновременно опредмечивается, овеществляется, овнешняется, объективируется, реифицируется в них. Все эти процессы описываются интегральным термином отчуждение.

Отчуждение рассматривается автором диссертации как закономерный продукт социального конструирования реальности. Социальные институты и символические универсумы культуры возникают в результате перманентной кристаллизации исторически складывающихся и закрепляющихся общественных отношений как устойчивых конфигураций социальных взаимодействий. Воспроизводимые во времени социальные интеракции с неизбежностью рутинизируются и хабиитуализируются, что подкрепляется

базовой склонностью людей к категоризации и типизации элементов их жизненного опыта. Конкретным поколениям людей приходится встраиваться в уже существующие системы отношений, имеющих свою «историческую колею». Вдобавок к этому эмпирически оформляющиеся композиции социальных взаимодействий производят на свет непредвиденные последствия, что многократно усиливает автономизацию течения общественно-исторических процессов, которое люди в ряде случаев фактически перестают контролировать.

Человеческая деятельность под влиянием внутренних и внешних ограничителей выступает как деятельность специфически правилосообразная и нормированная. Во многих случаях системы регуляции социального поведения утрачивают свою человекообразную целесообразность и становятся путями или оковами для индивида как свободного и креативного субъекта. Следствием этого оказывается отрыв институциональных и символических структур общества от человека как исходного творца социальных и культурных формообразований. Конструкции общества и культуры (несмотря на их генетическую производность от человеческих целей, желаний и устремлений, при всей их потенциальной изменчивости) сохраняют специфическую прочность, утверждая власть над своими собственными создателями.

#### IV. СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

##### 1. Основные публикации.

*Публикации в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова (публикации в рецензируемых изданиях, индексируемых в базе ядра Российского индекса научного цитирования “eLibrary Science Index”):*

1. Подвойский Д.Г. Почему социальная жизнь объяснима, но непредсказуема, или как свобода рождает детерминизм? // Социологические исследования. 2024. № 7. С. 159-169. Импакт-фактор – 0,21 (JCI). 1 п.л.
2. Подвойский Д.Г. Питирим Сорокин: бихевиорист, открывший для себя культуру // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 276-287. Импакт-фактор – 0,254 (SJR). 0,8 п.л.
3. Подвойский Д.Г. Мужчины, женщины, ... племена, народы: как живет человек среди его конструкторов? (Часть 2) // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 141-152. Импакт-фактор – 0,21 (JCI). 1,15 п.л.
4. Подвойский Д.Г. Мужчины, женщины, ... племена, народы: как живет человек среди его конструкторов? (Часть 1) // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 115-125. Импакт-фактор – 0,21 (JCI). 1,15 п.л.
5. Подвойский Д.Г. В объятьях картонных богов: о магии имен, силе слов и фетишизме символического в социальной жизни. Часть II // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 3-25. Импакт-фактор – 0,254 (SJR). 1,65 п.л.
6. Подвойский Д.Г. В объятьях картонных богов: о магии имен, силе слов и фетишизме символического в социальной жизни. Часть I // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 3-20. Импакт-фактор – 0,254 (SJR). 1,25 п.л.
7. Подвойский Д.Г. «Осторожно, модерн!», или театр теней современности и его персонажи: инструментальная рациональность - деньги – техника (Часть 2) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 1. С. 40-57. Импакт-фактор – 0,13 (JCI). 1,4 п.л.
8. Подвойский Д.Г. «Осторожно, модерн!», или театр теней современности и его персонажи: инструментальная рациональность - деньги – техника (Часть 1) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4. С. 670-696. Импакт-фактор – 0,13 (JCI). 2,1 п.л.

9. Подвойский Д.Г., Спиркина А.К. Общество в маске и перчатках под микроскопом социологии повседневности: беглый взгляд // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 315-339. Импакт-фактор – 0,254 (SJR). 1,8 п.л. (авт. вкл.: 0,9 п.л.).
10. Подвойский Д.Г. (У)строители тюрем, или Как институты становятся врагами людей? (перечитывая классиков) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 29-70. Импакт-фактор – 0,254 (SJR). 3,05 п.л.
11. Подвойский Д.Г. Лабиринтами Матрицы: осваивая социальный конструкционизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 60-92. Импакт-фактор – 0,254 (SJR). 2,5 п.л.
12. Кубряк О.В., Багдасарьян Н.Г., Герасименко М.Ю., Краснов В.Н., Кулябина Е.В., Подвойский Д.Г., Трущелёв С.А. О критичности врача: междисциплинарный подход // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 295-313. Импакт-фактор – 0,254 (SJR). 1,4 п.л. (авт. вкл.: 0,35 п.л.).
13. Кулешова А.В., Подвойский Д.Г. Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 169-210. Импакт-фактор – 0,254 (SJR). 3 п.л. (авт. вкл.: 1,5 п.л.).
14. Подвойский Д.Г. (Со)знание как инструмент «устроения миров»: мультидисциплинарная перспектива // Социологическое обозрение. 2018. Т.17. №1. С. 274–301. Импакт-фактор – 0,964 (РИНЦ). 2,1 п.л.
15. Подвойский Д.Г. Памяти Питера Бергера // Социологические исследования. 2017. №10. С. 173-174. Импакт-фактор – 0,21 (JCI). 0,2 п.л.
16. Подвойский Д.Г. Генезис «нормативных порядков» общества и оппозиция «субъект – структура»: от человека к институтам и обратно // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т.16. №3. С.465–482. Импакт-фактор – 0,13 (JCI). 1,3 п.л.
17. Момджян К.Х., Подвойский Д.Г., Кржевов В.С., Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология? // Вопросы философии. 2016. №1. С.17–42. Импакт-фактор – 0,33 (JCI). 2 п.л. (авт. вкл.: 0,45 п.л.).
18. Подвойский Д.Г. Мир повседневности и «аксиомы» практического сознания: социально-теоретические пролегомены // Эпистемология и философия науки. 2016. Т.49. №3. С.178–197. Импакт-фактор – 0,51 (JCI). 1,3 п.л.
19. Подвойский Д.Г. Памяти Томаса Лукмана // Социологические исследования. 2016. №8. С.168–169. Импакт-фактор – 0,21 (JCI). 0,2 п.л.

- 20.Подвойский Д.Г. Человек в мире институтов: о логике и механизмах социального конструирования реальности // Социологические исследования. 2016. №11. С.15–25. Импакт-фактор – 0,21 (JCI). 1 п.л.
- 21.Подвойский Д.Г., Наумова Н.П. Детство как социально конструируемый феномен // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2014. №2. С.43-60. Импакт-фактор – 0,13 (JCI). 1,3 п.л. (авт. вкл.: 0,65 п.л.).
- 22.Подвойский Д.Г. Тропами модерна: социологические вариации на тему // Социологические исследования. 2013. №10. С.3-13. Импакт-фактор – 0,21 (JCI). 1 п.л.
- 23.Подвойский Д.Г. «Спор о методе» раунд №... (По поводу одной Интернет-дискуссии) // Социологические исследования. 2011. №4. С.315-339. Импакт-фактор – 0,21 (JCI). 0,65 п.л.
- 24.Подвойский Д.Г. Вызовы «текущей современности». Ответы Зигмунта Баумана // Человек. 2010. № 1. С. 66-78. Импакт-фактор – 0,172 (SJR). 1 п.л.
- 25.Подвойский Д.Г. Ценности в структуре социальной реальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2001. №1. С. 105-113. Импакт-фактор – 0,13 (JCI). 1 п.л.
- 26.Подвойский Д.Г. Рецензия на книгу: Ю.Н. Давыдов. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения // Социологический журнал. 2000. №1/2. С. 199-204. Импакт-фактор – 0,262 (SJR). 0,75 п.л.

## 2. Иные публикации

### *Монографии и главы в коллективных монографиях:*

- 27.Подвойский Д.Г. Воздушные замки / железные клетки: к генеалогии и феноменологии прочности социальных конструкций: Монография. М.: Академический проект, 2025. 534 с. 33,38 п.л.
- 28.Шубрт И., Подвойский Д.Г. Современные социологические теории: Как не заблудиться в концептуальном лабиринте? М.: ВЦИОМ, 2024. 380 с. 25 п.л. (авт. вкл.: 5 п.л.).
- 29.Подвойский Д.Г. Каузальность в «царстве случайности»: почему социальная жизнь объяснима, но все же непредсказуема, или как свобода рождает детерминизм?; Каузальность vs. субъектность (как всё еще возможна социально-научная теория? // Момджян К.Х., Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э., Голубев И.С., Ефремов О.А., Ивахненко Е.Н., Кржевов В.С., Левицкий В.С., Погожина Н.Н., Подвойский Д.Г., Цуркан Е.Г., Фархутдинов Д.И. Социальная философия и наука: каузальности, закономерности и инварианты общественного развития: монография. М.: Изд-во «Гнозис», ООО «НПТ», 2024. Гл. 3,4. С.54-86. 1,35 п.л.

30. Подвойский Д.Г. «Вселенная модерна» // Момджян К.Х., Цуркан Е.Г., Ефремов О.А., Бараш Р.Э., Левицкий В.С., Миронова Дагмар, Подвойский Д.Г., Кржегов В.С., Щербакова Е.В., Погожина Н.Н., Ашкерев А.Ю., Антоновский А.Ю. Диагноз современности и глобальные общественные вызовы в социально-философской рефлексии. М.: Логос, 2022. Гл. 4. С.153-189. 1,65 п.л.
31. Подвойский Д.Г. Человек в мире институтов: о логике и механизмах социального конструирования реальности; Рождение правил, или «с чего начинается общество?» (нормативные атрибуты социального и оппозиция «субъект – структура») // Девятко И.Ф., Абрамов Р.Н., Быков А.В., Гаврилов К.А., Катерный И.В., Подвойский Д.Г., Романовский Н.В., Сапов В.В. Нормы и мораль в социологической теории: От классических концепций к новым идеям. М.: Весь Мир, 2017. Гл. 2,3. С.43-90. 2,85 п.л.
32. Подвойский Д.Г. «Этот мир придуман не нами»? О роли знаний в конструировании реальности (классики и современники) // Девятко И.Ф., Абрамов Р.Н., Брукмайер Карл, Гаврилов К.А., Кожанов А.А., Зотов А.А., Катерный И.В., Подвойский Д.Г., Сапов В.В. Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации. М.: Прогресс-Традиция, 2015. Гл. 3. С.65-95. 1,7 п.л.

#### *Прочие публикации<sup>5</sup>:*

33. Подвойский Д.Г. И снова о формуле доверия: немного школьной теории // Социодиггер. 2021. Февраль. Том 2. Вып. 1-2 (7): Доверие. С.5-18. 0,9 п.л.
34. Бекарев А.М., Девятко И.Ф., Журавлев О.М., Николаев В.Г., Оберемко О.А., Подвойский Д.Г., Радаев В.В., Резник Ю.М., Рогозин Д.М., Щербина В.В. Современная отечественная социология: состояние и перспективы развития // Личность. Культура. Общество. 2018. Т. XX. Вып. 1-2. №№ 97–98. С.158-191. 2,5 п.л. (авт. вкл.: 0,4 п.л.).
35. Подвойский Д.Г. Рождение правил или «с чего начинается общество?» (нормативные атрибуты социального и агентно-структурный дуализм) // Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) / Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: РОС, 2016. С.2616–2631. 1,25 п.л.
36. Подвойский Д.Г. Хвост, виляющий собакой: как актуальное настоящее формирует изменчивое прошлое // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти В.Б. Голофафа / Под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Издательство «Эйдос», 2015. С.53–64. 1 п.л.
37. Подвойский Д.Г. Знания и «создание миров»: фрагменты интеллектуальной истории конструктивизма // Вторые Давыдовские

---

<sup>5</sup> Названные в настоящем разделе публикации не имеют импакт-фактора как в Российском индексе научного цитирования, так и в иных наукометрических системах.

- чтения. Сб. научн. докладов / Под ред. И.Ф. Девятко, Н.К. Орловой. М.: Институт социологии РАН, 2014. С.74–92. 0,8 п.л.
- 38.Podwojskij D.G. Wartości w strukturze społecznej // Colloquia Communia. 2004. 2(77) lipiec – grudzień. (Rosja - Wielki Nieznajomy. Wybór tekstów ze współczesnej filozofii i socjologii rosyjskiej.) Torun: Adam Marszałek, 2005. S. 158-168. 1 п.л.
- 39.Подвойский Д.Г. Социологический реализм Эмиля Дюркгейма // Человек. Сообщество. Управление. 2004. №2. С. 112-124. 1,1 п.л.
- 40.Подвойский Д.Г. Культура и общество: определение понятий и диалектика взаимодействия // Ежегодник: Информатика. Социология. Экономика. Сборник научных трудов. М., Ярославль: Издательство Ярославского государственного технического университета, 1997. С. 167-175. 0,8 п.л.